

Franta, Vladimír

**Генологическое межевание на рубеже столетий : in margine Д.
Кшицова: От модерна к авангарду**

Новая русистика. 2009, vol. 2, iss. 1, pp. [73]-78

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116184>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Генологическое межевание на рубеже столетий In margine Д. Кшицова: От модерна к авангарду¹

**«Стихотворение имеет полный потенциал
Высказывания лишь в сочетании с другими
текстами...»**

Вольная цитата Андрея Белого²

Предлагаемая статья является реакцией на книгу Д. Кшицовой *От модерна к авангарду*, изданную Университетом имени Масарика в Брно два года тому назад. Последующий текст³ был задуман отчасти как небольшая рецензия, однако в гораздо большей степени он, на основе представляемой работы Кшицовой, задается вопросом о смысле масштабных рефлексий художественных жанров избранных периодов. В связи с данными вопросами наблюдаются определенные тенденции, на которых стоит остановиться подробнее. Именно такой подход специально применен в статье. Книга Кшицовой является весьма подробным и обстоятельным материалом – своеобразной энциклопедией, придерживающейся исторического и сравнительного принципов в буквальном смысле, поэтому одно лишь комментирование источника с такой мощной базой могло бы легко привести к созданию, хотя и мотивированного, но не очень продуктивного текста. Но, с другой стороны, чтобы не размывать контуры и не углубляться в абстрактные размышления, нужно

¹ Kšicová, Danuše: *Od moderny k avantgardě. Rusko – české paralely*. Masarykova univerzita. Brno 2007.

² См. с. 332. Цитата придает смысл не только антологиям, но и теоретическим работам о литературе.

³ По признанию автора: он создавался на протяжении многих лет и является продолжением нескольких предыдущих крупных работ.

уже здесь заявить, что, благодаря своей форме, книга Кшищовой сама по себе является своим собственным оправданием. Если автор книги задается преимущественно вопросом «как?», выдвигая на первый план метод компаративный (в синхронно-диахронном смысле), пусть этой статьей будет добавлен другой основополагающий вопрос – «почему?»⁴. Следующий текст – виток вращения вокруг интересной книги Кшищовой, действительно восполняющей пустующее место в глобальной систематике жанра русской литературы, по крайней мере, в пространстве Чешской Республики.

Представительная работа Кшищовой не обращается к физическим недрам структуры, ее очевидный замысел – детальный фокус, направленный на тематический анализ, выявляющий отличия, но и родственность модерна и авангарда. При этом нужно отметить, что, несмотря на общий характер, автор дает макрораздела именно такие названия, как *Вид/начертание и слово: в период модерна [Tvar a slovo v moderně (127–129)]*, *Вид/начертание и слово: От модерна к авангарду [Tvar a slovo: Od moderny k avantgardě (387–421)]*, подразумеваемая, однако, высший формообразующий критерий⁵. Важно то, что рассмотрение проблемы осуществляется в расширенном европейском контексте с акцентом на чешской среде (на среде Чехословакии, порой Австро-Венгрии). Ракурс автора впечатляюще широк. Он охватывает произведения художественной литературы, изобразительного искусства и музыки [см. размышление об операх *Сказание о царе Салтане* (222–233) Римского-Корсакова и *Нос* (344) Дмитрия Шостаковича в сочетании с мотивирующими их литературными образами, от которых произошли уникальные музыкальные адаптации]⁶.

Сжатое, но весьма насыщенное введение (вступление) наполнено пропедевтически окрашенным текстом – схемой, толкующей непростые отношения важнейших литературных групп, направлений, течений, существовавших в рассматриваемый период смены 19 и 20 веков. Главная задача раздела – методологическое выравнивание терминов с целью избежания унаследованных неточностей, которые зачастую возникали из-за политических соображений послереволюционного развития СССР⁷. Следующей задачей является

⁴ «Почему?» у Кшищовой играет важную роль, но гораздо больше в отношении деталей того или иного яруса в общей совокупности родовых и жанровых взаимоотношений.

⁵ Исключением является пассаж о стихосложении применительно к переводу с русского на чешский язык. В нем упоминается и сильнейший интерес Бальмонта к чешскому языку вообще, которым поэт стал серьезно заниматься.

⁶ Об адаптации говорится также в главе *Два вида Маскарада Лермонтова [Dvě podoby Lermontovova Maškarního plesu]* (см. 186–208)

⁷ Это должно привести к дальнейшему распространению энциклопедической справедливости на таких авторов, как, напр., Марина Цветаева. Ее личность при

Генологическое межевание

также сопоставление модерна и авангарда в России с их мировыми аналогами. Автором приводятся биографии, путешествия художников, их переживания и нелегкий путь к самовоплощению. Чешский читатель увидит, сколько личностей русской культуры было прямым или косвенным образом связано с Чехословакией межвоенного периода (*první republika, pozn.*). В качестве примера достаточно отметить, что в рамках своего европейского опыта столицу Чехии Прагу увидели корифеи Валерий Брюсов, Владимир Маяковский⁸, Илья Эренбург, Марина Цветаева и Андрей Белый... Последнее очень важно для сделанного ниже замечания.

О книге профессора Кшицовой говорилось и в телевизионном интервью⁹. Редактор Тереза Брдечкова интересовалась жизнью автора книги – личной и профессиональной. Примером профессиональных достижений Кшицовой явилась уже известная нам книга *От модерна к авангарду*: в фильме она снята лежащей на переднем плане на столике, за которым обе женщины ведут разговор на личные, общественные, исторические, нравственные и философские темы. В ходе беседы редактор попыталась получить от автора Кшицовой подтверждение, что природа русского человека не выдерживает европейских ценностей, не дорожит жизнью. Профессор Кшицова ответила мудро, сославшись на то, что люди встречаются разные. Еще более искусно, причем сугубо филологически, об этом говорит ее книга. Литературная история России неотъемлемо связана с Европой. Так же, как многие чехи (напр., Карел Чапек) приобретали опыт во время путешествий, так и многие русские (за печальным исключением типа Пушкина, Лермонтова, Булгакова...) получали образование в западных вузах и состояли в более-менее близких отношениях с европейской элитой¹⁰. Отсюда вытекает, что любое утриро-

жизни была практически проигнорирована многими источниками (см. 379), что повлекло за собой даже факт потери некоторых ее работ. Можно надеяться, что филологическое завещание Цветаевой, быть может, преподнесет еще какую-нибудь неожиданность, как это произошло в случае Константина Бальмонта, некоторые произведения которого нашли свое место в печати после того, как их обнаружили в наследии Крамаржа в 1994 году (см 374).

⁸ Несмотря на социалистический уклон Маяковского, один из залов престижного культурного центра Виноградского дома в Праге до сих пор носит его имя.

⁹ Документальная съемка – интервью: *Ještě jsem tady – Danuše Kšicová*, Чешское телевидение ЧТ [2008; 26 minut]

¹⁰ Но процесс протекал и в противоположном направлении. Любопытна история семьи профессора Сергея Грабье (Sergej Hrabě), отец которого имел свое дело в Царской империи. Его сын сумел составить ценную коллекцию русских живописцев, которую завещал Национальной галереи Чехии. Кшицова далее напоминает, что после Славянского съезда в Москве 1867 года – после подписания соглашений между Ф. Ригером (Rieger), Ф. Палацким и российской

вание существующего положения вещей может обернуться неверными выводами. Книга Кшицовой является источником, влияние которого способно предотвращать поверхностные суждения о русской культуре. Редактор Брдечкова из слов и книги Кшицовой заключает, что удивительное время модерна и авангарда с точки зрения художественных проявлений в России предвосхищает даже мировой постмодернизм. Как раз этот факт, как мы узнаем, послужил для Кшицовой решающим импульсом при выборе темы и материала к продолжительным изучением. Сам названный период является для России поистине ключевым моментом при ее же становлении как культурного общества¹¹.

Как уже было сказано, книга сосредотачивается на отдельных биографиях и личностях, судьбы которых произвольно или целенаправленно переплетаются. Определенные стереотипы как раз касаются русской эмиграции: теперь ее считают неотъемлемой частью русской литературы вообще. С другой стороны, книга предоставляет пестрый перечень так называемого нонконформистского искусства. Именно оно выступает в качестве резкой противоположности социалистического реализма и духовно соединяет все больше выпадающую в изоляцию Россию с остальным миром. Кшицова наблюдает и анализирует истоки модерна на произведениях Тургенева, Достоевского, Белого и Арцыбашева... далее говорит о спиритуальном начале и мисти-

стороной – в Россию семьями переселялись чехи, от земледельцев до интеллигенции (см. 132).

¹¹ Чешская газета *Lidové noviny* (Groman, Marin: *Sovětská hrůza třikrát jinak*, Sobota 9. 5. 2009) опубликовала высказывание еще более жесткое, чем реплика Брдечковой. Громан пишет, что только тогда, когда Россия избавится от большевизма, можно будет надеяться, что она излечится, но кажется, что этот процесс еще и не начинался. Мы приводим эту цитату потому, что с нею сталкивается чешский массовый потребитель СМИ. Здесь полностью игнорируется культурное развитие России, по крайней мере, того периода, о котором пишет Кшицова. Кшицова объясняет и политические проблемы писателей двадцатых-тридцатых годов. Она напоминает о сложных переживаниях Незвала, не принимающего большевистской индексации сюрреализма. Она также напоминает о том, что Маяковский не понимал пренебрежения Ленина в отношении футуризма, или об искусственном расколе между Пастернаком и Цветаевой в силу общественной и политической ситуации (см. 381). Факт, что процесс не начался, неверен. Он начался, пусть и в каких-то определенных кругах, уже много лет тому назад (см. книгу Кшицовой). Хотелось бы напомнить, что русское самоопределение, помимо политического, реализуется в культурном плане. Кшицова пишет о том, как правительство Масарика оказывало финансовую помощь русской интеллигенции. Не менее впечатляющей является судьба русского художника Григория Мусатова (см. 389–409), друга художника Яна Зрзавого, или Ивана Яковлевича Билибина (см. 222–233), история которых тесно связана, в том числе, и с Чехией.

Генологическое межевание

ческих аспектах fin de siècle, декаданса, импрессионизма, пуантилизма и дуалистического символизма, склоняющегося к оккультизму и теософии. Рассматривает базирующийся на логике, неоклассически и неореалистически оформленный акмеизм, понимаемый как связующее звено между туманным модернизмом и резко движущимся авангардизмом на его футуристических, дадаистических, сюрреалистических, экспрессионистических, кубистических, лучистских, имажинистских, супрематических... антитрадиционалистических выражах. На конкретных примерах выявляются оппозиции типа: символизм – акмеизм, символизм – футуризм, акмеизм – экспрессионизм. Книга завершается теоретическим объяснением превращения югендштиля (арт-нуво) в арт-деко.

На фоне перечисленных стилей читатель знакомится с художественными темами: с натуралистически абсурдной любовью (Тургенев, Достоевский), с темой смерти как процесса умирания и отчуждения (Толстой, Арцыбашев, Клима), с любовью, побеждающей смерть (Мережковский)^{12,13}, со смертью-жертвой в антиутопиях Валерия Брюсова, с бытием к смерти (Ремизов), с темой мифа и философии жизни (Соловьев)¹⁴, в рамках которой человек преодолевает саму смерть¹⁵. Самостоятельная глава принадлежит чешской сатире¹⁶ (Гашек, Грабал, Чапек). Проводятся параллели с Гоголем (сравнивается, например, его «смех сквозь слезы» и „krasosmutnění“ Грабала).

Одним из наиболее замечательных мест книги Кшищовой являются пассажи о прозиметрии и экфразии¹⁷, рассуждения о роли ритма и мелодии и музыки вообще в стихотворении. Прозиметрию (сферу перехода прозы в поэзию и наоборот) Кшищова приближает к читателю в главе *Между поэзией и прозой [Mezi poezií a prózou (257–266)]*. Автор приводит пушкинско-гоголевский парадокс. В то время, как лирический *Евгений Онегин* назван Пушкиным «романом в стихах», прозаический роман Гоголя самим Гоголем воспринимается как «поэма». Глава особенно ценна своим анализом текущего времени (конец 20 века), в рамках которого возникло явление депоз-

¹² «Общим знаменателем» этих произведений является конфликт «отцов и детей».

¹³ Этой теме посвящена целая глава, см. 82–88. Роман и драма. Д. С. Мережковский, Петр и Алексей.

¹⁴ Кшищова уделяет внимание домашним комедиям Соловьева, которые интересны ностальгией людских расставаний...

¹⁵ Тютчев и Соловьев верили в порядок на фоне хаоса и, как и А. К. Толстой, в вечную жизнь. (см. 267–289)

¹⁶ Кшищова считает русскую сатиру более «серьезной». Когда Вацлав Клаус (президент Чехии) давал интервью журналисту Михаилу Гусману (*Формула власти*), он все же лаконично объяснил русскому слушателю некоторые моменты *Бравого солдата Швейка* (прим. автора этой статьи).

¹⁷ Ekphraseis, Ekphrase.

тизации с уклоном к эпике. Действительно, одним из самых впечатляющих моментов книги Кшищовой является экфразия, так же, как музыкальные принципы Белого в литературе (его тенденция использовать в словесной сфере такие понятия, как «сонатная форма», «симфония»...).

Экфразия – соотношение живописи и поэзии. Экфразии Кшищова отводит главу *Импрессионизм и сецессия в живописи и в поэзии [Impresionismus a secese na obrazech a v básních (129–152)]*. Она утверждает, что существует не только вербальный комментарий к живописному образу или живописный образ, «комментирующий» первичный текст¹⁸, но и типологически обусловленные, параллельно возникающие, самостоятельные живописные и текстовые экспрессии тех же самых объектов (см. 152).

В завершение статьи можно наконец вернуться к первоначальному вопросу «Почему?», а именно: почему необходимы масштабные рефлексии литературы? Классический крылатый оборот гласит, что литература учит человека любить. До тех пор, пока будут пропадать литературные произведения (см. выше о Цветаевой); до тех пор, пока они будут использоваться политически искаженно; до тех пор, пока они будут требовать от читателя специальной эрудиции, которую нужно целенаправленно развивать; до тех пор, пока теоретический подход останется неотъемлемой частью возникновения литературных произведений (не говоря уже о том, что без теоретического понимания «как?» даже талантливейший писатель вряд ли бы добился большего успеха) – литературную среду без филологических отражений едва ли можно себе представить.

Книга проф. Кшищовой – это результат многолетнего труда, сосредоточенных изучений и наблюдений. Он заслужил свое право выйти в свет в виде представительной, изящно оформленной книги, напечатанной на меловой бумаге. Остается пожелать профессору и ее книге множество благодарных читателей, а также того, чтобы некоторые вопросы, так и оставшиеся открытыми, и не до конца найденные ответы (см. 424) нашли плодотворную почву для дальнейших попыток в будущих работах Дануше Кшищовой.

Владимир ФРАНТА

¹⁸ В этом отношении об экфразии автор данной статьи попытался написать в своей диссертации (ею руководил проф. Иво Поспишил): *Генетическая родственность художественных видов и их внежанровые реализации: Песня – speculum animae russicae*. Рукопись диссертации, Философский факультет Университета им. Масарика, Брно 2009.